

25. Остановка для отдыха

— Эй, ну и что случилось потом? — она смотрела на него влюбленными глазами, разинув рот от изумления.

— Ты был там, — сказал Док, — в западне на краю стофутовой скалы... С епископом и шестью его фанатичными сторонниками, вооруженными до зубов и с местью в сердцах...

— Да, было дело, — Джордж откупорил шестую банку «Шлица» за последние полчаса.

— Нет пути вниз и нет пути назад...

— Да, точно. Шестеро против меня одного. Да. Дерьмо, — он опрокинул банку себе на лицо. Они слушали ужасные глотающие звуки, смотрели на его прыгающий кадык, Смит, поворачивая вертел с их ужином, задумчиво улыбался, глядя на пламя. Доктор Сарвис потягивал «Вайлд Терки» с дорожной водой, Бонни Абцуг курила свой «Овалтайн».

В вечерних тенях, под пятнами света и тени, отбрасываемой маскировочной сеткой с сосен, стоял припаркованный пикап Смита; рядом с ним был помятый, голубой джип, его багажник, крытый брезентом грузовой отсек был покрыт дюймовым слоем темно-рыжей пыли. Кроме того, в лобовом стекле была неровная зазубренная пробоина, размером с футбольный мяч.

— Ну?

— Что ну?

— Что ты сделал?

— Когда?

— Ладно, Джордж!

Джордж выпил банку пива. Смит смотрел на него. Он подмигнул Смицу, посмотрел на Бонни и Дока.

— О, Боже, это сложная история. Вам не понравится слушать ее целиком. Скажем так — я спустился оттуда, и доехал до Комб Вош, выехал на дорогу, и вот я здесь.

Они уставились на него в тишине. Бонни передала сигару. Док закурил свежую «Марш-Вилинг». Редкий Гость повернул вертел.

— Ладно, — сказала Бонни, — забудем об этом. Поговорим о чем-нибудь еще. О чем мы поговорим?

— Но если вы настаиваете...

— Нет, нет, все в порядке.

— Если вы настаиваете, — сказал Смит, — ты спустил его вниз на лебедке.

— Конечно. Как же иначе.

Джордж гордо улыбнулся им всем после короткой паузы, последовавшей за очередной банкой пива. Он выглядел истощенным, грязным, голодным, его глаза были красными от солнца и переутомления, с кругами вокруг глаз, как у енота. Тем не менее он не был готов сдаться. Слишком устал, чтобы спать, объяснил он.

— Так что там насчет девушки?

— Лебедки, — сказал Хейдьюк, — вон та штуковина спереди. Там есть сто пятьдесят футов веревки. Больше ничего.

— Подожди-ка, — сказал Док. — Ты хочешь сказать, что спустил этот джип вниз на лебедке со скалы?

— Ага.

— С отвесной скалы?

— Не очень-то просто это было.

— Это то, что скалолазы называют «свободный спуск», — объяснил Смит.

— Свободный спуск? — сказал Док. — Что ты имеешь в виду?

— Спуск на веревке. Rappel de corde, — пояснила Бонни. — C'est un moyen de descendre une roche verticale avec une corde double, récupérable ensuite.

— Точно, — сказал Хейдьюк.

— Мы часто это делаем, — сказал Смит. — Но не с джипами. Вообще-то с джипом никто этого раньше не делал, насколько я знаю, и если бы я не знал, что Джордж — честный человек, я бы пожалуй был бы склонен подозревать искажение фактов. Не ложь, нет, я никогда не подозревал Джорджа в чем-то похожем, но, может быть, ну...

— Упрощение правды, — предложила Бонни.

— Да, может быть даже переупрощение в какой-то мере.

— Ага, — сказал Хейдьюк. — Не хотите верить, не надо. Но вот джип, перед вашими чертовыми глазами.

Он вернул Бонни ее косяк.

— Выглядит как тот самый джип, — признал Смит. — Но не должен быть. Это может быть один из тех, называемых reasonable fact-similes. Но я не говорю что это невозможно. Я вытаскивал на лебедке мой пикап вверх и вниз по крутым склонам, но я никогда не делал свободный спуск на веревке с пикапом.

— Отлично, — сказал Док. — Давайте допустим, только из-за новизны метода, что Джордж не врет. Но у меня есть несколько технических вопросов. Я не знал, что лебедку можно использовать в обратном направлении.

— Это не было бы большим недостатком, если бы даже и было невозможно, — сказал Хейдьюк.

— И ты закрепил трос за можжевельное дерево?

— Именно.

Бонни открыла рот, чтобы перебить его.

— Но... — Хейдьюк опустошил очередную банку и взял следующую.

— Слушай, ты хочешь услышать всю историю целиком? Тогда закрой рот и слушай. Когда я увидел епископа и его людей и прикинул, что у меня есть время, я вынул мою горную веревку и измерил высоту спуска. Длина веревки сто двадцать футов. Высота обрыва была примерно сто десять. Если бы спуск был семьдесят пять футов или меньше, я не смог бы спустить джип. На лебедке было сто пятьдесят футов троса, запомните это. Я не мог перебросить трос за ствол можжевельника и зацепить крюком движущийся конец троса за раму и спустить джип вниз...

— И спилить дерево, — сказал Смит.

— Да. Возможно. И когда я спустился бы вниз, я не смог бы отсоединить трос и забрать его без проблем. Но было слишком высоко. Это значило, что мне пришлось бы оставить конец троса наверху, зацепленным за дерево. Это значило, что мне нужно было придумать что-то другое, чтобы забрать трос, когда я спущу джип вниз.

— Почему ты не захотел отсоединить трос от лебедки когда достиг бы земли? — спросил Док.

— Не уверен хватило ли бы мне времени. Кроме того, этика скалолаза не разрешает оставлять трос наверху когда ты достиг низа. Кроме того, я не хотел, чтобы епископ Лав узнал где я, или как я спустился, или спустился ли я вообще. Я хотел бы, чтобы он подумал над этим несколько следующих лет. Поэтому мне нужно было забрать веревку с собой.

Единственный вопрос был как именно. Пока я над этим думал, я прочно закрепил все внутри джипа, и повернул джип, чтобы он стоял между деревом и обрывом. Все это время епископ и команда приближались к краю скалы, но у меня было как минимум пять минут времени. Они не спешили. Затем они остановились в миле от меня, вышли и начали трепаться, затем пошли к скале, готовые к бою, но не очень ловко, я мог бы убить любого из них, если бы захотел. Но, вы знаете... плохой ПиАр.

— Заканчивай свой сказ, — сказала Бонни, — и давай поедим.

— Так вот, время у меня было. Я зацепил трос лебедки вокруг ствола можжевельника. Привязал конец моей веревки к крюку троса — там такой большой крюк, можете посмотреть, если все еще не верите мне.

— Не отклоняйся от мысли.

Улыбаясь, сияя от нескрываемой любви, Бонни обглодала рыбину и спрятала остатки в коробку из-под «Тампакса».

— Продолжай.

— Я перевел джип на нейтральную, завел мотор и подал джип назад к краю достаточно, чтобы подтянуть провисшую часть троса — около четырех футов. Лебедка сейчас на замке, посмотрите, и джип повис так, что передние колеса были на скале, а задние нет, двигатель на холостом ходу. Затем я запустил лебедку на реверс и поехал вниз.

— Ты поехал вниз? По воздуху?

— Да.

— А если бы лебедка отказала?

— Она не отказала.

— Нет, ну а если бы отказала?

— Я бы спустился по веревке.

— Понятно, — сказал Док. — Сколько весит твой джип?

— Около трехсот пятидесяти футов со всем барахлом и топливом.

— И лебедка выдержала?

— Это хорошая лебедка. Боевая. Конечно, мы слегка вращались по ходу спуска и это меня очень беспокоило. Я боялся, что трос перекрутится дважды, но мне повезло.

Смит свернул себе кебаб (мясо, дольки помидоров, перец, лук — не слишком хорошо для людей с деревянной обувью) посмотрел вниз на края каньона, поросшие лесом плато, удаленную дорогу, ведущую с востока.

— Джордж, — сказал он, — ты — это что-то с чем-то.

Хайдьюк открыл еще пива. Предпоследняя банка. Была еще одна. Каждая следующая банка была предпоследняя. Он сказал:

— Я слегка вспотел, могу вам сказать. Мы шлепнулись прилично о землю, но ничего не поломалось. Я затормозил джип, дал лебедке отмотать трос, чтобы он ослабел, хорошо дернул за мою веревку, освободил крюк и отпустил веревку. Трос брякнулся, как тонна кирпичей, и веревка упала следом. Падая, крюк пробил мне ветровое стекло и разбил кое-что внутри, но я не жалею.

Может мне следовало спрятать джип под карнизом, но я не мог тогда думать ни о чем. Я чувствовал себя чертовски хорошо. Когда трос упал, я закатил джип под карниз, чтобы сверху не было видно, и втащил трос. Потом мы ждали. Долго ждали.

— Кто это мы? — спросила Бонни.

— Я и мой джип.

Смит стал снимать ужин с вертела.

— Угощайтесь, друзья.

Док сказал:

— Они тебя там внизу не могли увидеть?

— Там была такая ниша в скале. Как пещера. Они никак не могли увидеть меня или джип со скалы. Но они торчали там целый день. Я слышал как они там ругались, в основном больше всех говорил, конечно, Джей Дадли. Моя основная проблема была сдержаться от смеха. Под вечер они уехали. Я слышал шум их моторов. Потом я намотал трос на лебедку и поехал вниз в Комб Вош. Это заняло у меня остаток ночи. Утром я спрятался под тополями. Когда ничего не случилось до обеда, я приехал сюда. Давайте ужинать.

— Джордж, — сказал Док.

— А?

— Джордж...

— Ну?

— Джордж, ты что, в самом деле думаешь, что кто-то поверит твоей истории?

Хейдьюк улыбнулся.

— Конечно нет. Давайте есть. Но когда ты увидишь сыщика, спроси, что случилось с Рудольфом Рыжим.

— Deus ex machinn — сказала Бонни.

Они ели и пили, смотрели на зарево заката в сумерках. Доктор Сарвис прочел лекцию о мегамашинах. Огонь стал угасать. Самодовольный и победительный Хейдьюк, погрузившись в раздумья, смотрел на тлеющие угли можжевельника и вспоминал лицо епископа. Он рисковал своей жизнью для смеха? Да, и это того стоило. Редкий Гость был спокоен, но внимателен, он смотрел на запад на спокойный закат, южнее в сумеречные каньоны, восточнее в ночные холмы, Элк Ридж, горы Эйбахо. Не боясь, не волнуясь, но будучи настороже.

Слишком уж было хорошо, и это ему не нравилось.

Хейдьюк зевнул, наконец успокоившись. Бонни открыла еще одну банку пива для него.

— Есть время отдохнуть, старик.

Доктор Сарвис вытер руки тряпкой и пристально посмотрел на красно-золотистое облачное небо.

— Молодец, Яхве.

— Погода налаживается, — сказал Смит, проследив за взглядом доктора. Он послюнил палец и выставил его на ветер. — Ветер в порядке. Будет небольшой дождик, а может и нет. Нельзя зависеть от погоды, как говорил мой отец, когда ему не о чем больше было говорить, что случалось довольно часто.

— Я иду спать, — сказал Хейдьюк.

— Что я хотел сказать, — продолжил Смит, — считаю, мы должны быть настороже с этого момента, я буду сегодня первый на карауле.

— Разбуди меня в полночь, — сказал Хейдьюк, — и я тебя сменю.

— Джордж, ты лучше поспи, я подниму Дока.

— Как насчет небольшой дружеской игры? — сказал Док. — Очко, орлянка, кости? — Ответа не последовало.

— Док пьян, — сказала Бонни, — разбуди меня.

— Вы с Джорджем будете сторожить завтра ночью.

Бонни уложила Хейдьюка в гнездо, любовно приготовленное ею накануне — их спальные мешки, застегнутые молниями вместе на паре шкур под сладким воздухом сосен.

— Я не знаю, — сказал Хейдьюк.

— Не знаю что?

— Нужно ли нам делать это. Сегодня.

Голос Бонни задрожал.

— Почему нет?

Хейдьюк колебался.

— Ну... Док здесь.

— Ну и?

— Ну, не будет ли ему... Я хочу сказать — Док ведь все еще тебя любит, да? Я имею в виду... о Господи Иисусе!

Бонни насмешливо посмотрела на Хейдьюка, глаза ее широко раскрылись. Он мог чувствовать запах ее одеколона — как она это называет — L'Air du Temps. Это значит — северный край. Кейп Ройал. Пойнт Саблим.

— Такая деликатность, — сказала она. Она сгребла его за рубашку. — Слушай, Хейдьюк, ты слюняй, дурачок. Док не такой как ты, он — взрослый мужик и принимает тот факт, что мы — любовники, нам нечего прятаться.

— Ему что, все равно?

— Все равно что? Ему не все равно, что со мной и что с тобой. Он достойный человек. Чего ты боишься?

— Я не знаю. Он не ревнует?

— Нет, он не ревнует. Давай, ты или спишь со мной, или тратишь весь вечер на разговоры. Определяйся быстрее, мне противны хлипкие мужики.

Хейдьюк обдумывал ситуацию еще пару секунд. Грубое и жесткое лицо смягчилось, он застенчиво улыбнулся.

— Ладно, черт... Я малость устал.

Позже, среди ночи, когда Док варил кофе, медленно доводя его до кипения на тлеющих углях, Хейдьюк внезапно проснулся оттого, что несколько легких капель упало ему на лицо. Он очнулся от беспокойного сна и уставился на чернильное небо без звезд. На мгновение он

почувствовал ужас. Потом он почувствовал мягкое теплое тело Бонни возле себя, и покой и мир вернулись к нему вместе с чувством юмора.

— В чем дело, Рудольф? — сказала она.

— Дождь.

— Ты с ума сошел, какой дождь? Спи.

— Был дождь, я чувствовал.

Она высунула голову из мешка.

— Темно, все в порядке, но дождя нет.

— Минуту назад был. Я уверен.

— Тебе приснилось.

— Я Рудольф Рыжий, или нет?

— Ну и?

— Ну и, черт побери, Рудольф Рыжий знает, что такое дождь, дорогуша.

— А ну повтори?

Рано утром, в облачном солнечном небе они слышали звук самолета.

— Не двигайтесь, — сказал Смит. Все, за исключением Хейдьюка, завтракали под деревьями, под углом маскировочной сетки. — И не смотрите вверх. Где Джордж?

— Спит.

— Он под сеткой?

— Да.

Смит посмотрел на угли вчерашнего костра. Холодные и потухшие. Завтрак они готовили на примусе. Он прогудел, пролетел мимо на небольшой высоте в сторону Хайт Марина на Лейк Пауэлл, Смит проводил его глядя в бинокль.

— Ты что-то увидел? — сказал Док. Он думал об инфракрасных датчиках на самолете. Он них не спрячешься.

— Не смог прочесть опознавательные знаки. Но это не полиция или Эс Оу. Возможно кто-то из поисково-спасательной службы. Эддон летает на самолете. Лав тоже, подумайте об этом.

— Так что нам делать? — спросила Бонни.

— Оставаться под деревьями и смотреть за дорогой внизу. Прислушиваться к самолетам.

— Я бы сказал, нам надо как-то развлечься, чтобы убить время, — сказал Док. Как насчет поиграть в карты?

Ответа от жертв не последовало.

— По 25 центов? Тут есть стол...

Смит вздохнул.

— Три правила, которым учил меня мой отец. Сынок, говорил он, во первых, никогда не ешь в заведении под названием «У мамы». Во-вторых, никогда не играй в карты с человеком по имени Док, — он остановился. — Сдавай на меня.

— А третье правило? — спросила Бонни.

— Я никогда не могу его вспомнить, и это меня беспокоит.

— Хоть изредка, положи свои деньги себе в рот и заткнись.

Док смешал карты, они шелестели, как осенние листья, как шторы в испанском борделе, венецианские жалюзи, в пятницу вечером в Тонопа, журчащий ручей, приятный и невинный.

— Нам нужно еще одного игрока.

— Пусть парень поспит. Поиграем, пока он не проснется.

Десять минут спустя самолет вернулся, медленно пролетел в двух милях к северу и скрылся над Елк Ридж, полетев в сторону Блендинга или Монтичелло. Тишина восстановилась. Игра продолжалась, в жаре и влажности в тени деревьев под мрачным небом, вдали от поросшей лесом равнины за дорогой в Хидден Сплендор. Хейдьюк присоединился к ним около полудня.

— Где магний?

— Похоронен.

— Кто?!

— Док.

— Все равно, сдавай.

Тот же, или другой самолет снова пролетел мимо и возвратился, в четырех милях к югу.

— Сколько еще раз этот долбанный самолет будет тут летать?

— Спорим. Четыре раза.

— Десять центов.

— Повышаю.

— Согласен. Что у тебя?

— Тузы.

— Флеш. Кто смотрит за дорогой?

— Я смотрю. Сдавай.

— Сколько?

— Три карты.

— Три.

— Одну.

— Сдающий берет две.

— Смотри за этим ублюдком. Твоя ставка, Абцуг.

— Не трогай меня, я нервничаю.

Итог игры: Абцуг проиграла все.

— Это нечестная, скучная, дурацкая игра, — сказала она, — и если бы у меня был мой набор «Скрабл», я бы вам, пижонам, показала настоящую игру.

Следующим должен был сторожить Хейдьюк. Было время сиесты.

Все, кроме Смита спали. Он поднялся на холм над рудником, сел на валун в тени сосен, достал бинокль и стал смотреть.

Он мог видеть пространство миль на сто. Воздух был чист, небо было покрыто тяжелыми облаками, было безветренно. Покой впечатлял. Пятна солнца лежали на незнакомой земле, волны тепла, дрожащие как вода, плыли над каньонами. Было около ста десяти градусов в тени там внизу. Он видел Шипрок, гору Ют, Монумент Вэллей, Навахо Маунтейн, Кайпаровиц, рыжие стены каньона Нэрроу, темный желоб реки Дёрти Девил Ривер. Он видел пять пиков гор Генри — Эллсворт, Холмс, Хиллерс, Пэннелл и Эллен — торчащих позади лабиринта каньонов, куполов песчаника и башенок Глен-Каньона. Гиблое место потерять здесь корову. Или сердце. Гиблое место, думал Редкий Гость, что-то здесь потерять... точка.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:09:33

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:09:47